

степени опираться на немецкий посредник. Тем не менее сличение испанских и немецких текстов с русскими не оставляет сомнений в том, что в своей работе русский переводчик ориентировался на испанский оригинал, как и было указано при публикации. Красноречива, в частности, точность в передаче порядка слов и сохранение деталей, утраченных у Гердера. Эта тема, впрочем, заслуживает самостоятельного исследования.

В завершение — два слова о стихотворной форме новообнаруженных переводов. Разумник Гонорский (как до него Карамзин, а после — Катенин) выбрал для переводов романсов белый²⁴ четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул.²⁵ Если бы ему был известен английский перевод Перси, он, возможно, решился бы передать испанские ассонансы с помощью рифмы четных стихов. Этого, однако, не случилось, и переводы Гонорского не выделяются среди других безрифменных переводов и имитаций испанского романса первой половины XIX века. Попытки сохранить рифменное (ассонансное) созвучие оригинала в переводах были предприняты в России значительно позже.²⁶

²⁴ Несколько раз (единожды в «Заид и Заида» и трижды в «Ток зеленый...») в мужских строках совпадает ударный гласный, как в процитированном выше катрене (*низ — живе*), но контекст не оставляет сомнений в том, что совпадения случайны. Такого рода случайные созвучия есть и в «Графе Гвариносе» Карамзина.

²⁵ Подробнее об «испанском хорее» см.: *Полилова В.* Белый четырехстопный хорей с окончаниями ЖЖЖМ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 11. С. 76–88.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Polilova V.* Spanish *Romancero* in Russian and the semantization of verse form // *Studia Metrica et Poetica*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 93–99.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-79-92

© А. В. Курочкин

**«...ПЛЕМЯННИК БЫЛ МОЛОД, А ДЯДЯ — КРОТОК...»
(А. С. ПУШКИН И ЕГО ДЯДЯ В ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННИКОВ
К ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ)**

В обширной переписке графа Д. И. Хвостова (1757–1835), хранящейся в его архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома, содержится немало ценных сведений о литературной жизни пушкинского времени. Первостепенный интерес представляют неизвестные упоминания корреспондентов Хвостова об А. С. Пушкине и его дяде В. Л. Пушкине. Они не только проясняют известные ранее события, позволяя уточнить канву их жизни и творчества, но сообщают ранее неизвестные факты.

На протяжении последних десятилетий жизни граф составлял заметки, представлявшие собой его собственные мнения и мнения других на литературные темы, намечаясь в дальнейшем их опубликовать в виде особых «Записок о словесности». Замысел Хвостова не получил воплощения в связи с его кончиной. До нас дошло сохранившееся в одной из рукописных книг архива Хвостова его суждение, озаглавленное так: «Замечание о замечании князя Вяземского при разборе стихов Василия Львовича Пушкина. Для записок о словесности».¹ Это был ответ на высказывание Вяземского о том, что «первые опыты его (В. Л. Пушкина. — А. К.) принадлежат к эпохе преобразования, введенной в наш язык стихотворный творениями Карамзина и Дмитриева, которые освободили его от тяжких оков, на него наложенных неудачными последователями Ломоносова, Петрова и Державина — и от сухой принужденности

¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 26. Л. 4 об.

и черствого однообразия, приданных ему слишком удачными подражателями Сумарокова».² Хвостов заметил: «Сам князь Вяземский в своих стихах, от чего ни он не отопрется, ни знаменитые его приятели, имеет сухую принадлежность, черствость и единообразие. Следственно, эти недостатки принадлежат к писателю, а не к языку».³ Как представляется, на его оценку повлияли сложности в личных взаимоотношениях с Вяземским, позднее обострившихся в период сотрудничества князя с «Московским телеграфом» Н. А. Полевого, вступившего в открытую конфронтацию с Хвостовым. Несмотря на это граф понимал, что литературный процесс не стоит на месте; признавая талант А. С. Пушкина, он считал, что романтическое течение имеет право на существование, и не критиковал его публично.⁴ Собственное же творчество Хвостов не мыслил без строгого соблюдения традиций классической школы.

В настоящей работе вводятся в научный оборот эпистолярные свидетельства современников, по большей части исходящие из московских литературных кругов 1820–1830-х годов — от лиц, хорошо знавших великого поэта и его дядю.

По воспоминаниям С. Л. Пушкина, его отец Лев Александрович принимал в своем доме «почетное духовенство того времени, известное своим просвещением и святой жизнью».⁵ Известно, что Л. А. Пушкин пользовался особым расположением митрополита Московского Платона (П. Г. Левшина; 1737–1812), придворного проповедника, который при его погребении отслужил обедню.⁶

Мы можем назвать еще одно лицо духовного сана, близкое к семейству Пушкиных. Это диакон одной из московских церквей Иоаким Величковский, будущий архиепископ Смоленский и Дорогобужский Иосиф (1773–1851),⁷ с которым Хвостов состоял в переписке. Отметим, что граф переписывался и с другими представителями высшего духовенства: митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым) и архиепископом Псковским, впоследствии Тобольским Евгением (Казанцевым).⁸ В их ряду письма архиепископа Смоленского Иосифа заслуживают особого внимания.

² *Вяземский* [П. А.], кн. Об издании стихотворений В. Л. Пушкина // Сын отечества. 1821. Ч. 73. № 46. С. 284.

³ ИРЛИ. Ф. 322. № 26. Л. 110.

⁴ См. об этом: *Курочкин А. В.* 1) Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 2017. № 3. С. 184–189; 2) А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова // Там же. 2019. № 3. С. 73–92.

⁵ Современник. 1840. Т. 19. С. 102.

⁶ См.: *Михайлова Н. И.* Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 41 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

⁷ Будущий архиепископ Иосиф родился в семье московского протоиерея и закончил Славяно-греко-латинскую академию. В 1801 году был пострижен в монахи и покинул Первопрестольную, поступив учителем в Санкт-Петербургскую духовную академию. Отметим, что, сменив несколько духовных должностей, в 1809 году Иосиф возглавил Переславль-Залесский Данилов во имя Святой Троицы монастырь. По всей вероятности, знакомство Хвостова с ним произошло во время пребывания будущего архиепископа в Переславле-Залесском, недалеко от которого, на берегу реки Кубры, находилось поместье графа Выползова Слободка. Во время пребывания в Петербурге 20 ноября 1819 года Иосиф был избран почетным членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Иосиф вел активную деятельность: содействовал восстановлению храмов и монастырей, пострадавших во время наполеоновского нашествия, хлопотал об открытии уездных и приходских училищ. В 1821 году он возглавлял Смоленскую кафедру. В 1834 году во время приема Николая I в Смоленске архиепископ Иосиф подготовил торжественную речь, однако, встретив царя, растерялся и вместо слов приветствия стал обильно окроплять императора святой водой. Государь был в гневе: «Что вы делаете, бесов из меня выгоняете, видно? Вы совсем облили меня водой!» По преданию, из-за этого проступка Иосиф покинул паству и удалился в Киево-Печерский монастырь (подробнее об архиепископе Иосифе см.: *Русский биографический словарь*: В 25 т. СПб., 1897. Т. 8. С. 335; *Мануил (Лемешевский)*, митр. Иосиф (Величковский) // *Мануил (Лемешевский)*, митр. Русские православные иерархи. 992–1892 гг.: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 113–114).

⁸ До нас дошел отзыв архиепископа Евгения (Казанцева) об А. С. Пушкине (см.: *Курочкин А. В.* «О, когда бы обратился он к нравственным и религиозным предметам...»: Неизвестные отзывы духовных лиц о Пушкине (по материалам архива графа Хвостова) // Русская литература. 2017. № 1. С. 132–133).

В письме от 22 марта 1823 года Иосиф сообщал Хвостову: «С полгода возобновил со мною переписку старинный и престаринный мой знакомец, москвич, поэт же, Василий Львович Пушкин. Читаю теперь вышедшие в мир стихотворения его. Хороши и довольно хороши. Жалуется он на вашу петропольскую цензуру, не выпустившую одной его пьесы за то, что в ней упомянуто о *Кандиде*. Экая строгая».⁹

«Стихотворения Василия Пушкина», о которых пишет Иосиф, увидели свет в 1822 году и остались единственным прижизненным сборником его стихов. Друзья В. Л. Пушкина негодовали по поводу препон, учиненных изданию цензурой.¹⁰ П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 июля 1822 года, подчеркивая пассивность самого автора: «Я уговаривал Пушкина (Василия Львовича. — А. К.) побороться с цензурой, но пот его прошиб, и он дал тягу. Неужели нельзя тебе шепнуть слово князю Голицыну (министру просвещения. — А. К.) о неистовой нелепости его подчиненных».¹¹ Н. М. Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву 25 сентября 1822 года: «Я жаловался на излишнюю строгость цензоров князю А. Н. Голицыну и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василия Львовича».¹² И наконец, свидетельство издателя «Стихотворений» П. А. Плетнева в письме к Вяземскому от 17 июля 1822 года: «Хотя Иван Осипович Тимковский и позволил все печатать в собрании Стихотворений Василия Львовича; однако новый Цензурный Комитет не соглашается на пропуск целых двух пьес: 1) Послания к Дашкову, в котором Василий Львович про себя говорит, что он с восхищением читает *Кандида*, и 2) Эпиграммы, начинающейся: *Лишился я жены, любовницы, коня*. Сверх того, Цензурный Комитет просит переменить несколько слов, на что, я думаю, Василий Львович не будет очень гневаться <...>. Впрочем, смею вас уверить, что Цензурный Комитет преклонить уже ничем нельзя — и следовательно, если вы узнаете, что Василий Львович без сих пьес издать своих Стихотворений не захочет, то издание не состоится».¹³ Как видим, жаловались и возмущались друзья автора, но только не он сам. Кроткий по натуре, дядюшка Александра Сергеевича, как казалось, мог лишь подчиниться обстоятельствам. Неспособный к литературной борьбе, он исправно вносил требуемые цензурой изменения, только чтобы издание состоялось. «Я писал к Плетневу несколько раз, — сожалел он в письме к Вяземскому, — и доставил ему требуемые госп <одиног> цензором поправки».¹⁴ Ныне, по свидетельству архиепископа Смоленского, без сомнения восходящему к письму Василия Львовича, мы узнаем о реакции и самого автора, сетовавшего на цензуру. Таким образом, В. Л. Пушкин не оставался безучастным к судьбе своих стихотворений и даже спустя полгода после издания не забыл об его цензурной истории. А знаменитый племянник с благодарностью писал Плетневу, своему будущему издателю:

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень <был> того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.¹⁵

Между тем архиепископ Смоленский продолжал читать «Стихотворения» своего «престаринного знакомого», и спустя месяц, 25 апреля 1823 года, он делится с Хвостовым мнением о них: «Добрый В. Л. Пушкин не увесистой поэт, что видно из его пьес. Видно же и то, что он старается писать во вкусе Дмитриева, и тшится об

⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 70. Л. 288–288 об. «Кандид, или Оптимизм» (1758) — философская повесть Вольтера, попавшая под запрет сразу же после выхода в свет из-за ее непристойности.

¹⁰ Цензурное разрешение И. О. Тимковского было получено еще 30 сентября 1821 года. Однако вмешательство нового Цензурного комитета затормозило издание.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899. Т. 2. С. 272.

¹² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 337.

¹³ Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 385.

¹⁴ Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983. С. 85.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 337.

естественности. Видно, наконец, и то, что он держится в складе своем правил покойного г. Подшивалова, бывшего его учителем. Содержание каждой почти басни его очень обыкновенно, а за иную баснь <sic> Лев Александрович подрал бы его за ухо, если бы жив теперь был». ¹⁶

Как здесь не вспомнить наполненный фантастическими подробностями рассказ Пушкина о расправе деда над французом-учителем и жестоком его обращении с женами, который одновременно вобрал в себя предания о прадеде и деде: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. <...> Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли». ¹⁷ В настоящее время обстоятельности их жизни получили разъяснения. ¹⁸

В плане автобиографических заметок поэт называет имена учителей французского языка его отца. ¹⁹ Теперь нам известно имя учителя российской словесности его дяди. Можно предположить, что Подшивалов был учителем и Сергея Львовича, так как разница в возрасте братьев был невелика. Яркий представитель русского сентиментализма, талантливый педагог Василий Сергеевич Подшивалов (1765–1813) по возрасту был ненамного старше Василия Пушкина, поэтому дядюшка Александра Сергеевича мог стать одним из первых его учеников. Учеником Подшивалова являлся и свойственник Василия Львовича В. В. Измайлов (1773–1830), тепло отзывавшийся о своем наставнике, который был «в 1782 году произведен в студенты Университета и учителя российского стиля и логики. Ему было тогда 17 лет от роду. Несмотря на общий недостаток в учителях, надобно, конечно, предполагать приметные уже дарования в молодом человеке, который в сем возрасте найден достойным не только выполнять должность учителя, но преподавать важные правила искусства писать и науки мыслить. <...> По общему утверждению знакомых с ним людей, прекраснейшие свойства души его были честность и доброты, бескорыстие и сострадание к несчастному, верность в дружбе, примерная скромность и та откровенность, которая по большей части изливается из добродетельного сердца, как прозрачная вода со дна чистого источника». ²⁰ Думается, к этому мнению о Подшивалове мог присоединиться и В. Л. Пушкин.

Подшивалов принял деятельное участие в Собрании университетских питомцев, основанном И. Г. Шварцем в 1781 году, где он вначале состоял членом, а затем исполнял должность секретаря и председателя. ²¹ Как представляется, уроки Подшивалова не прошли для Василия Львовича даром. Позднее в издаваемом его учителем журнале «Приятное и полезное препровождение времени» был опубликован написанный племянницей Хераскова А. П. Хвостовой прозаический этюд «Камин» (1795), в подражание успешному литературному дебюту В. Л. Пушкина — его посланию «К камину» (1793). В том же 1795 году в журнале Подшивалова появилось сочинение и самого Василия Львовича — переложение на русский язык — «Отрывок из Оссиана (Колма)» Дж. Макферсона. ²² Перевод был снабжен примечанием: «Опыт сей сделан по просьбе одного приятеля, желавшего видеть в стихах Оссиановы песни: но едва ли их течение и гармония не противятся стихам». Навыки перевода дядя А. С. Пушкина также мог почерпнуть из занятий с Подшиваловым, уделявшим большое внимание переводческой деятельности. По мнению Н. И. Греча, Подшивалов «по справедливости считался первым в свое время переводчиком; статьи собственного его сочинения, помещенные

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 322. № 70. Л. 289 об. — 290. На письме, в верхней части листа (л. 290), стоит сделанная рукой Хвостова помета: «Ответствовать».

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 311.

¹⁸ Левина Ю. И. «Прадед мой Пушкин» (Из автобиографических записок) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 265–266.

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 307.

²⁰ В. И. [Измайлов В. В.]. О жизни и сочинениях Подшивалова // Вестник Европы. 1814. Ч. 76. № 13. С. 27, 38.

²¹ Подробные сведения о Подшивалове см.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 450–455 (статья Н. Д. Кочетковой).

²² Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 6. С. 117–119.

в издаваемых <sic!> им журналах, отличаются остротой мыслей, нежностью чувствований, правильностью и приятною простотою слога».²³

П. А. Вяземский в очерке «Допотопная или допожарная Москва» (1866) отмечал неплохое образование отца и дяди А. С. Пушкина: «Сергей Львович <...> получил если не ученое, то, по крайней мере, литературное образование. Дядя Александра, Василий Львович, сам был поэт, или, пожалуй, любезный стихотворец, и по тогдашним немудрым, но не менее того признанным требованиям был стихотворцем на счету».²⁴ Свидетельство архиепископа Иосифа подтверждает данное высказывание. Обучение русской словесности дяди и, возможно, отца А. С. Пушкина не ограничивалось рас пространенными во времена их юности занятиями с непрофессиональными домашними учителями, а велось под руководством Подшивалова и едва ли могло быть поверхностным. Необходимо отметить это желание Л. А. Пушкина дать детям основательные знания и развить в них любовь к русскому языку и словесности. Свидетельство духовного лица подтверждает и то, что дед Александра Сергеевича обладал строгим нравом и старался руководствоваться нормами морали и нравственности. По-видимому, того же он требовал и от сыновей.

Представляет интерес мнение современника о сценических переложениях поэм А. С. Пушкина. 27 июня 1824 года А. С. Грибоедов в письме Вяземскому с иронией писал: «Шаховской занят перекройкой „Бахчисарайского фонтана“, в 3 действиях с хор<ами> и бал<етом>, он сохранил множество стихов Пушкина, и все вместе подставляется в виде какого-то чудного поэтического салата».²⁵ А. А. Шаховской обратился также к сюжету пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Переложения Шаховского появились в издаваемой Ф. В. Булгариним «Русской Талии». В альманахе на 1825 год были опубликованы «Керим-Гирей, или Бахчисарайский Фонтан. Романтическая трилогия в 3 действиях, взятая из поэмы А. С. Пушкина»²⁶ и «Из волшебной Трилогии: Финн, взятой из эпизода поэмы А. Пушкина: „Руслан и Людмила“».²⁷ Надо полагать, А. С. Пушкину не терпелось познакомиться с сочинениями Шаховского, и он неоднократно просил брата Льва Сергеевича прислать ему в Михайловское булгаринский альманах. «Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Слѣнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и Талию Булгарина»,²⁸ — писал Пушкин брату в ноябре 1824 года. В конце февраля 1825 года вновь ему напоминает: «Да пришлите же мне Старину и Талию, господи помилуй, не допросишься».²⁹ Когда альманах был доставлен, поэт извещал брата в начале мая: «Талию получил».³⁰

В архиве Хвостова сохранилось письмо к нему его знакомого, малоизвестного литератора Евсевия Ивановича Лялина,³¹ которому граф прислал свои «Путевые записки»³² и изданные на 1825 год альманахи «Русская Талия» и «Северные цветы». В этом письме, датированном 22 марта 1825 года, Е. И. Лялин оставил достаточно эмоциональный отзыв о том впечатлении, которое произвело на него переложение пушкинской поэмы: «Что же касается до „Русской Талии“, то в ней я много нахожу даже прекрасного, из которого отрывок романтической трагедии „Бахчисарайской фонтан“ — есть лучшее. Для меня, например, живая и величественная картина фонтана, стремящегося вверх и исчезающего в мутной воде, при сравнении его с судьбою

²³ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 253.

²⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1882. Т. 7. С. 88.

²⁵ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 72–73.

²⁶ Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год, издал Фаддей Булгарин. СПб., 1825. С. 116–148.

²⁷ Там же. С. 211–241.

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 120.

²⁹ Там же. С. 147.

³⁰ Там же. С. 175.

³¹ Хвостов обратился к нему с посланием. См.: Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. СПб., 1830. Т. 5. С. 172–175. В примечании к стихотворению Хвостов писал: «Послание Е. И. Лялину, отставному майору, который служил прежде во флоте и коего некоторые сочинения напечатаны были в разных журналах» (Там же. С. 386).

³² Путевые записки графа Д. И. Хвостова. М., 1824.

Заремы — есть такое зрелище, которое невольно заставляет в раздумье принять участие в судьбе Заремы. Или еще. Когда Зарема в иступлении ревности готовая пороти Марию во сне, то усмотря на прекрасном лице ее тихую невинность и изображение несчастного положения души ее, останавливается, сравнивает ее положение с своим, бешенство страсти умолкает; и говорит: „О, смотреть приятно на нее“; наконец сострадание заступает место ненависти, и бог матери ее, к которому прибегает Зарема, совершенно обезоруживает ее. Ах! Это такая картина, от которой я при полном театре готов заплакать. И я надеюсь, что Семенова в этой сцене в силах поколебать и самые ступенные души. Одним словом, в этой трагедии есть такие прелестные стихи, каких нельзя найти в этой поэме и у Пушкина. В теории драматического искусства виден любитель театра с тонким вкусом и глубокими сведениями. „Волшебная Трилогия“ также Шаховск<ого> — есть новизна русская и прекрасная». ³³

28 сентября 1825 года трагедия Шаховского «Керим-Гирей, крымский хан» была представлена на суд петербургских зрителей. В афише значилось: «Содержание взято из „Бахчисарайского фонтана“, поэмы А. С. Пушкина, с сохранением многих его стихов». ³⁴ Как и предполагал Лялин, роль Заремы исполнила Е. С. Семенова. В роли Марии выступала Л. О. Дюрова, Керим-Гирей играл В. А. Каратыгин.

Еще один корреспондент Хвостова Михаил Николаевич Макаров (1785–1847), снабжавший его новостями с московского Парнаса, ³⁵ был лицом достаточно осведомленным в литературной среде и хорошо знал В. Л. и А. С. Пушкиных. В своих мемуарах о детстве А. С. Пушкина он упомянул об отношении дяди к таланту племянника: «Дядя его, Василий Львович <...> никак не сознавался, чтоб Александр Сергеевич мог когда-нибудь превзойти его, как поэта и чтеца, в совершенстве чистого. „Mon cher, ³⁶ — говорил он мне, — ты знаешь, что я люблю Александра, он поэт, поэт в душе; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre, ³⁷ и, право, я не знаю, установится ли он когда, entre nous soit dit, comme nous autres etc. etc.?³⁸»

Приятель наш Борис Кириллович Бланк ³⁹ нередко спорил <sic!> об этом с Василием Львовичем и говорил против него за Александра Сергеевича; но Василий Львович стоял на своем: „Увидим, mon cher, вот он поучится; mais, entre nous soit dit, ⁴⁰ я рад и тому, что Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского“. Таковы или почти таковыми были тогда все заключения поэта-дяди о его великом поэте-племяннике. <...>

Наконец и Василий Львович Пушкин признал своего племянника поэтом с отличием, но иногда ветреным, самонадеянным. Другие певцы-старожилы тут же явно

³³ ИРЛИ. Ф. 322. № 73. Л. 139 об. — 140.

³⁴ Дурьлин С. Н. Пушкин на сцене. М., 1951. С. 23.

³⁵ Так, 2 февраля 1815 года Макаров сообщал Хвостову любопытные сведения о том впечатлении, которое оказали на публику стихи Жуковского и Вяземского: «Песни князя Вяземского, одного из модных певцев московских, до времени все еще читают и поют с удовольствием; но на все мода: Жуковского уже едва ли не позабыли: баллады его (у некоторых) терпят одинаковую участь с романами Радклиф» (ИРЛИ. Ф. 322. № 64. Л. 57). По всей вероятности, Макаров именно Хвостова упомянул в своем «Провинциале в Петербурге», отмечая, как один из знакомых «мог дать мне доброе известие о старом нашем знакомце и рассказал, что он и здесь все по-прежнему занят переводами Буаловой пиитики (Хвостов занимался переводом «Науки о стихотворстве» Н. Буало. — А. К.); что так же смешон, заставляя всех слушать свои антипиндарические произведения, которые все так же ни на что не похожи; но, между прочим, он упомянул мне, что в доме доброго чудака нашего в положенный день я могу встретиться со многими для меня интересными людьми» ([Макаров М. Н.]. Провинциал в Петербурге // Аглая, издаваемая к<нязем> П. Шаликовым. 1810. Ч. 10. Кн. 3. С. 36–37). Широко известно, что Хвостов рассылал знакомым приглашения на литературные вечера, которые устраивал у себя в доме, главным образом, для чтения собственных сочинений.

³⁶ Мой дорогой (фр.).

³⁷ Но я не знаю, он еще слишком молод, слишком свободен (фр.).

³⁸ Говоря между нами, как мы остальные, и т. д. и т. д. (фр.).

³⁹ Ошибка Макарова, правильно: Борис Карлович Бланк (1769–1826) — поэт, переводчик и драматург.

⁴⁰ Но, между нами говоря (фр.).

зачувствовали перелом классицизму. Не верите? Я покажу, на этот счет, письмо ко мне покойного графа Д. И. Хвостова».⁴¹

Шли годы, Макаров усердно снабжал литературными новостями своего петербургского корреспондента, увидевшего когда-то в поэтическом успехе юного Пушкина «перелом классицизму». 16 января 1827 года он пишет Хвостову: «В. Л. Пушкин написал *Юродивого*, и прекрасно, теперь сделал продолжение *Буянова*, и славное».⁴² В следующем письме от 20 января Макаров сообщает о том же более подробно: «*Юродивый*, стихи старого Пушкина, вы их увидите в „Московском вестнике“ и, конечно, согласитесь, что не дурные. Он же, *В. Л. Пушкин*, написал продолжение *Буянова*, живущего уже в своем селе и в своей городничихе нашедшего прежнюю свою удалую *Варюшу*. Много остроу и соли, и, кажется, гораздо лучше самого начала, ибо не так *скоромно!* Вот, Ваше сиятельство, самые свежие новости московского слова».⁴³

Из писем мы узнаем о существовании недошедших до нас произведений дядюшки А. С. Пушкина: стихотворения, которое Макаров называет «Юродивый», и продолжения «Опасного соседа». В. Л. Пушкин «был страстный охотник читать свои сочинения»,⁴⁴ — вспоминал впоследствии М. А. Дмитриев. По-видимому, Макаров присутствовал при таком чтении и слышал несохранившиеся сочинения из уст самого автора. Теперь становится понятно, каким образом «брат двоюродный Буянов» А. С. Пушкина совершенно неожиданно стал сельским жителем и очутился в доме у Лариных на именинах Татьяны. Пятая глава «Евгения Онегина» создавалась Пушкиным с января по ноябрь 1826 года, по-видимому, одновременно с работой дядюшки над продолжением «Опасного соседа». Можно предположить, что Буянова «поселил» в деревне Василий Львович или дядюшка, в свою очередь, принял фантазию племянника, «переселившего» своего «кузена» в провинцию, и решил поведать читателям, как живет его герой в родовом селе. Возможно, встреча Онегина и Татьяны в большом свете могла стать реминисценцией встречи Буянова с Варюшей в провинции. Обратим внимание на замечание Макарова о том, что новая поэма Василия Львовича выглядит «не так *скоромно*». Она вышла не такой фривольной, как первая часть истории о Буянове, что наводит на мысль о преобразении героя во второй части. вполне вероятно, что несохранившееся продолжение «Опасного соседа» легло в основу написанной позднее повести в стихах «Капитан Храбров». Действительно, насколько можно судить по пересказу Макарова, Василий Львович использовал похожий сюжет: переселение Буянова из Первопрестольной в родное село и проезд капитана в свое саратовское имение. Путешествие Храброва сопряжено с дорожным приключением: встречей на постоялом дворе с разбойниками, убившими когда-то родителей Наташи. Убийцы получают отпор отважного капитана, чей образ в корне отличается от фигуры разудалого дебошира и пьяницы Буянова, устроившего никчемную драку в борделе. Думается, Василий Львович хотел продемонстрировать развитие характера своего героя, но его столь кардинальное преобразование выглядело бы неправдоподобно, поэтому придал необходимые качества новому персонажу.

7 февраля 1827 года Макаров извещает Хвостова: «*Юродивый* В. Л. Пушкина появляется в 4-м номере *Московского вестника*. Грозная брань уже готова в 24-й книжке *М<осковского> телеграфа* за 1826 год».⁴⁵ Однако ни стихи, ни критика в печати не появились. Можно предположить, что сотрудничавший с «Московским телеграфом» Вяземский отговорил друга от публикации и бранить было нечего.

В многолетней переписке с Хвостовым состоял поэт-сентименталист князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852). Князь хорошо знал семейство Пушкиных, тепло относился к Василию Львовичу и при всяком удобном случае старался выказать свое расположение его племяннику. А. С. Пушкин в письме к Вяземскому от 19 февраля

⁴¹ Макаров М. Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве) // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 45–46.

⁴² ИРЛИ. Ф. 322. № 74. Л. 4 об.

⁴³ Там же. Л. 5 об. — 6.

⁴⁴ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 93.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 74. Л. 8 об.

1825 года дал Шаликову следующую характеристику: «Ты увидишь в Разг<оворе> Поэта и Книг<опродавца> мадригал кн<язю> Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он имянно поэт прекрасного пола. *Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement*». ⁴⁶ Пушкин имел в виду упоминание Шаликова в предварявшем первую главу «Евгения Онегина» «Разговоре книгопродавца с поэтом», где в связи с «прекрасным полом» писал:

Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы. ⁴⁷

В апрельском номере «Дамского журнала» за 1825 год появилось послание Шаликова «К Александру Сергеевичу Пушкину (На его отречение петь женщин)», в котором князь обратился с призывом к поэту, отказавшемуся воспевать женщин, но восхищавшемуся их ножками:

И пой, и нравься лишь харитам,
Тобой пленяемым, поэт!
И будь подобен *сибаритам*
Вовеки негою стихов! ⁴⁸

В письме от 25 мая 1825 года Пушкин интересуется у Вяземского: «Неужто он (Шаликов. — А. К.) обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, как барашек!» ⁴⁹ Позднее, при публикации «Разговора книгопродавца с поэтом» в четвертой части своих стихотворений в 1835 году, Пушкин заменил «Шаликов поет» на «юноша поет». ⁵⁰

В апреле 1829 года в «Дамском журнале» Шаликов восхвалял Пушкина — автора поэмы «Полтава»:

Цари с поэтами всегда делились славой!
Царь русский возблестал триумфом под Полтавой
Над силой грозною: и русский же поэт
Вьет лавры в свой венок с полей его побед! ⁵¹

Молодой поэт А. А. Кононов, встретивший однажды в доме Василия Львовича на Старой Басманной ⁵² Шаликова и Пушкина, привел в своих воспоминаниях следующую сцену: «Между тем, кн<язь> Шаликов присел к столу и писал. „Недавно был день вашего рождения, Ал<ександр> С<ергееви>ч, — сказал он поэту. — Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня, и написал вот что“. Он подал бумагу Пушкину, тот прочитал, пожал руку и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах». ⁵³ Этот эпизод имел место в двадцатых числах сентября 1829 года. Тщеславный Шаликов понимал, что едва ли кто-то узнает о его стихах, поэтому поместил их в своем журнале:

⁴⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144. Пер.: «У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил» (*фр.*) (Там же. С. 533). Пушкин намекает на издание Шаликовым «Дамского журнала».

⁴⁷ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 847.

⁴⁸ Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 8. С. 69.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 184.

⁵⁰ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 327.

⁵¹ Дамский журнал. 1829. Ч. 26. № 16. С. 40.

⁵² Современный адрес: Старая Басманная ул., 36.

⁵³ Кононов А. А. Из записок // Библиографические записки. 1859. № 10. С. 307.

К А. С. Пушкину
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда родился ты, хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел —
Пленять сердца игрой на лире!⁵⁴

Панегирик Шаликова отражает настроение читающей публики и пишущей братии тех лет: Пушкин находится в зените славы, дядя гордится им. Племянника хотя бы видеть в своих рядах московские литераторы. 26 декабря 1829 года Макаров извещает Хвостова: «На днях у нас гремело Литературное общество, под крылом нового председателя А. А. Писарева, и во славу, и в честь! Дай бог, чтобы так и шло, при сей новой своей эпохе; в прошедшем же периоде оно не всегда было счастливым. Приняты новые члены: молодой Пушкин, Евгений Баратынский и музыкант Верстовский».⁵⁵

Находившийся в Петербурге Пушкин был принят 23 декабря в «Общество любителей российской словесности» при Московском университете заочно. Одновременно в число членов избрали и Ф. В. Булгарина,⁵⁶ конфликт Пушкина с которым обострялся с каждым днем. Данное обстоятельство настолько сильно задело поэта, что даже спустя годы, в письме, написанном около 7 апреля 1834 года, он с негодованием отвечал секретарю «Общества...» М. П. Погодину на просьбу прислать новые стихотворения для чтения на заседании: «Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгаринным, в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ<ийском> клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник. <...> В то самое время читаю в газете Шаликова (в издаваемых им «Московских ведомостях». — А. К.): Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина».⁵⁷

Наступает новый, 1830-й год, который станет значимым в жизненном и творческом плане для А. С. Пушкина — он получит согласие на брак с Н. Н. Гончаровой, а вынужденное из-за холерных карантинных уединение осенью в Болдине послужит одному из наивысших всплесков его вдохновения. И этот же год станет последним в жизни его дяди.

В конце уходящего года выходят в свет литературные альманахи на год грядущий. За ними пристально следит еще один корреспондент Хвостова — брат Е. И. Лялина — Петр Иванович.⁵⁸ Сведения о нем, как и о его брате, немногочисленны. Известно, что П. И. Лялин поступил в Морской кадетский корпус, стал гардемаринном, затем мичманом во флотском экипаже, впоследствии перешел лейтенантом в Невский пехотный полк, дослужился до звания подполковника и, поселившись в Первопрестольной, служил в Лефортовском госпитале. В архиве графа сохранилось письмо П. И. Лялина от 5 февраля 1830 года, озаглавленное в реестре рукописной книги, в которой оно находится, так: «37. П. И. Лялина о сравнении Пушкина с Немчиновым».⁵⁹ По-видимому, Петр Иванович, как и его брат — любитель словесности, — был близок к литературным кругам, в своих суждениях занимал консервативную позицию. Его мнение отражало взгляды той части читающей публики, которая была скептически настроена к литературным нововведениям. Он начинает письмо с благодарности Хвостову за

⁵⁴ Дамский журнал. 1829. Ч. 28. № 41. С. 27.

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 8. Писарев Александр Александрович (1780–1848) — поэт, генерал-лейтенант, герой войны 1812 года, попечитель Московского университета, возглавлял «Общество любителей российской словесности» в 1829–1830 годах.

⁵⁶ См.: Московские ведомости. 1830. 1 янв. № 1.

⁵⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 123–124.

⁵⁸ См. публикацию его отзыва о поэме «Полтава» к Хвостову и комментарий к нему: Балакин А. Ю. Неизвестный отзыв современника о пушкинской «Полтаве» // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб., 2017. С. 111–114.

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. П.

доставление его письма начинающему поэту Немчинову,⁶⁰ «в котором, — пишет Лялин, — я высказал ему впечатление, произведенное во мне его истинно прекрасными стихами; мысль же сравнивать юного поэта с Пушкиным принадлежит князю Шаликову и была минутным порывом его наивного восторга».⁶¹ Далекий от литературных полемик⁶² Лялин сетовал на то, что представители парнасской молодежи «хаютя, не выключая и самого Пушкина».⁶³ Рассуждая о литературных новинках, корреспондент Хвостова заключает: «В альманахах нонешнего <sic!> года стихотворная часть хуже предшествующих годов, в них стихи Пушкина, Баратынского по одной только подписи фамилии можно отличить от других писателей вовсе ничтожных».⁶⁴

Как представляется, Лялин, державший руку на пульсе литературной жизни, уделял внимание и критическим оценкам. Возможно, в своем суждении он мог отталкиваться от мысли Воейкова, промелькнувшей в его обзоре о «Двух повестях в стихах» — «Графе Нулине» Пушкина и «Бале» Баратынского: «Сказав имена авторов <...>, нужно ли рассыпать общие похвалы и изношенные фразы, которых в десять минут можно нанизать сотню? <...> говорю просто: это стихотворения А. С. Пушкина и Баратынского».⁶⁵

В ряду писем к Хвостову 1830 года представляет интерес письмо Шаликова от 5 июня, озаглавленное в реестре корреспонденции графа так: «68. Князя Шаликова о поэтах Пушкиных и прочее»,⁶⁶ в котором содержится следующая фраза: «На днях встретил у Кологривова поэта Пушкина (А. С.). Он женится; но что-то невесел, а дядя его В. Л. Пушкин уже и не ходит; подагра и хирагра повели против него самую сильную атаку <sic!> — жалок ужасно!»⁶⁷

Душевные переживания Пушкина, озабоченного мыслями о приданом и болезни дяди, не ускользнули от Шаликова. Физическое состояние Василия Львовича вызвало опасение. Ощущение его скорой кончины передалось и князю. Однако о каком Кологривове упоминает Шаликов? Знаменитый генерал Андрей Семенович Кологривов скончался в 1825 году. Дом на Тверском бульваре, принадлежавший генералу, в ноябре 1830 года его родными был продан. Не вызывает сомнения, что Шаликов пишет о Петре Александровиче Кологривове (1770–1852). Его дом на Старой Живодёрке⁶⁸ был открыт для гостей. Ранее знакомство Пушкина с Кологривовыми не имело документального подкрепления и только предполагалось.⁶⁹ Теперь мы имеем подтверждение, что Пушкин знал Петра Александровича, отчима В. Ф. Вяземской, и ее мать, супругу Кологривова — Прасковью Юрьевну (1762–1846), урожденную княжну Тру-

⁶⁰ Немчинов Федор Петрович — начинающий поэт, обратившийся со стихами к Хвостову в ответ на его послания «Юным питомцам муз» (см.: Немчинов Ф. Старцу-поэту юный питомец муз // Дамский журнал. 1830. Ч. 29. № 7. С. 103–105).

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 63.

⁶² В письме он упоминает о газете М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий», замечая, что «о ней с большою похвалою отзываются Русской инвалид литературы г-н Воейков, а издатель оной мне человек знакомый; он в бытность мою в Петербурге бывал у меня в доме, но, может быть, он уже забыл обо мне по высокой степени журналиста» (Там же. Л. 63 об.). По-видимому, Лялин не подозревал о вражде двух издателей.

⁶³ Там же. Л. 64.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ [Воейков А. Ф.]. «Две повести в стихах»: «Бал», соч. Баратынского и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина // Славянин. 1828. Ч. 8. № 52. С. 503 (вышел в свет 7 января 1829 года); переизд.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 105. Любопытно, что 6 января 1830 года Воейков пишет Хвостову, откликнувшись одой на взятие русскими войсками Адрианополя, как попрекает собратьев по перу, принадлежащих к его собственному кругу: «Я в укор Жуковскому, А. С. Пушкину и Дельвигу поставил, что ожидали ль Дибич и Паскевич быть воспетыми старцем-поэтом, намекая на молчание сих молодых певцов» (ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 17).

⁶⁶ Там же. Л. III об.

⁶⁷ Там же. Л. 118.

⁶⁸ Обширный участок, где находилась усадьба Кологривова, ныне ограничен домами 1–9 по Большой Садовой улице и домами 2–14 по улице Красина.

⁶⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 200.

бецкую, в первом браке Гагарину. Кроме того, свидетельство Шаликова о встрече с А. С. Пушкиным в доме Кологривовых в первых числах июня 1830 года — факте ранее неизвестном — позволяет более сжато определить временные рамки пребывания поэта у В. Ф. Вяземской в Остафьеве.⁷⁰

Таким образом, мы можем дополнить и уточнить «Летопись жизни и творчества» поэта, а также внести коррективы в список его знакомых. Вполне вероятно, что появление Пушкина в доме на Живодёрке в указанное время могло быть непосредственно связано с его поездкой в подмосковное имение Вяземских. Поэт мог навестить Кологривовых с каким-либо поручением княгини Веры или ее матери до или после посещения Остафьева.

Благодаря письмам Шаликова мы вновь имеем возможность заглянуть в дом на Старой Басманной. В письме от 15 июня князь пишет, что Хвостов уважаем «истинными талантами, каков талант юного Языкова, с которым я познакомился у В. Л. Пушкина и который отзывается о Вашем сиятельстве с должным почтением и уважением, приносящими честь уму и сердцу его».⁷¹ В 1827–1830 годах между Н. М. Языковым и Хвостовым завязался поэтический диалог: поэт-романтик с иронией просил у старца-поэта поэтического совета и получал стихотворные ответы графомана.

Между тем дни дядюшки Александра Сергеевича были сочтены. 25 августа М. Н. Макаров писал Хвостову: «23 августа я похоронил почтенного моего приятеля *Василия Львовича Пушкина* — я любил его — и потому потеря для меня горькая. Все лучшие наши поэты и журналисты провожали гроб покойного, одни до церкви пешком, а другие, и в том числе племянник усопшего — славный поэт наш А. С. Пушкин, от приходской церкви Никиты Мученика, что в Басманной, до самого Донского монастыря — без малого десять верст — шли пешком».⁷² Позднее Макаров вспоминал: «Последний раз я встретил Александра Сергеевича на похоронах доброго Василия Львовича. С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем, как о родственнике и как о поэте».⁷³ В № 70 шаликовских «Московских ведомостей» от 30 августа Макаров поместил некролог В. Л. Пушкину, в котором подчеркивал, что покойный предугадал и высоко ценил талант своего племянника.

В свою очередь и сам Шаликов 29 августа, отвечая на не дошедшее до нас письмо Хвостова, сообщал ему прискорбную новость: «Вы упоминаете о В. Л. Пушкине, у которого я познакомился с любезным юным певцом вашим, Языковым, и которого... нет уже в здешнем мире! Незабвенный друг наш скончался 20 августа, когда наименее мы ожидали того: ибо накануне смерти он писал ко мне — хотя и о приключившемся ему страшном поносе — так много, чисто и ровно, что я в ответ побранил его за невоздержанность в пище, а через три дни шел за его гробом».⁷⁴

Хвостов, обычно откликавшийся стихами на значимые события, сочинил эпитафию и на кончину Василия Львовича, которую намеревался поместить в «Дамском журнале». По-видимому, она вышла неудачной и имела иронический оттенок. Об этом Шаликов писал Хвостову 10 сентября: «Что же касается до *шуточной* эпитафии добрейшему Василию Львовичу Пушкину, то воля моего почтеннейшего благодетеля, а я не позабавлю племянника на счет дяди, который не раз был им оскорбляем

⁷⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский и Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 2. С. 205.

⁷¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 186 об. Тронутый вниманием Языкова, Хвостов в письме к М. П. Погодину в конце августа 1830 года просит его передать экземпляр 6-го тома своих стихотворений Языкову и при этом замечает: «Александр Сергеевич Пушкин недавно сказывал мне, что Николай Михайлович всегда изъясняется на мой счет, с особенной благосклонностью, и князь Петр Иванович Шаликов пишет, что он, встретясь с *огненным нашим поэтом* (Языковым. — А. К.) в доме Василия Львовича, слышал от первого обо мне весьма приятные отзывы. Уверьте его, что я весьма чувствителен столь лестному для меня вниманию» (Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину // Лица. Биографический альманах / Публ. Т. Ф. Нешумовой. М.; СПб., 1993. С. 280).

⁷² ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 231 об. — 232.

⁷³ Макаров М. Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве). С. 46.

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 234–234 об.

в мирной жизни своей!.. Но племянник был молод, а дядя — кроток, и потому последний обходился с первым как нельзя лучше: надобно ли же усопшего поэта предать смеху стихами, которые острым оборотом своим точно рассмешат каждого?»⁷⁵

Шаликов, как кажется, очень точно подметил характер отношений племянника и дяди. Подтверждение этому мы находим и у самого А. С. Пушкина. В отрывке, известном под названием «<Участь моя решена. Я женюсь...>» и носящем автобиографический характер, он признавался: «Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет мне: повеса мой молод, ему не до меня».⁷⁶

Как представляется, Хвостов внял совету Шаликова и, по-видимому, переделал эпитафию, включив ее в собрание своих стихотворений в следующей редакции:

Рыдает муз собор в печали справедливой;
Поэта Пушкина лишился наш Парнас.
Он посвятил друзьям свой мирный век счастливый:
Меж Аонид расцвел, и между их погас.⁷⁷

Хвостов обиделся на суждение князя, поэтому в письме от 26 сентября Шаликов, узнав, что граф болен, признает, что подверг эпитафию слишком резкой критике, и просит у старца прощения: «Вы и в болезни не пренебрегли замечанием моим на эпитафию Пушкину!.. Но я знал, что Вы отнюдь не думали оскорбить память его; ибо вы не родились *оскорблять*».⁷⁸

Вероятно, не рассчитывая на публикацию эпитафии в «Дамском журнале», престарелый графоман пытался распространить ее в литературных кругах. Он послал стихи Макарову, который в письме к Хвостову от 16 сентября сообщал: «Эпитафию Вашу Пушкину доставил, по принадлежности; но не знаю, какой успех она получит?»⁷⁹

Следующие упоминания о Пушкиных в письмах к Хвостову относятся ко времени, когда Александр Сергеевич обосновался после женитьбы в Петербурге. В мае 1832 года он и Наталья Николаевна сняли квартиру в доме Алымовой на Фурштатской улице,⁸⁰ недалеко от дома Хвостова на Сергиевской улице.⁸¹ Граф обрадовался такому соседству и приветствовал брата по перу посланием «Соловей в Таврическом саду». Сохранилась его копия среди других стихотворений Хвостова в особой рукописной тетради. В нее разными переписчиками занесены подвергнутые затем правке стихи по большей части 1831–1833 годов, вошедшие в 7-й том собрания стихотворений графа.⁸² После заглавия послания, непосредственно перед его текстом, другими чернилами вписано: «*Романс* (*) мая 10-го».⁸³ На время создания послания также указывает и строка: «Любитель муз, с зарею майской». Данное обстоятельство позволяет сузить временные рамки переезда Пушкиных в квартиру на Фурштатской улице, указанные в «Летописи жизни и творчества» поэта с «1832. Май, первая половина»⁸⁴ на «1832.

⁷⁵ Там же. Л. 240 об.

⁷⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. С. 406.

⁷⁷ Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. СПб., 1834. Т. 7. С. 226.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 322. № 77. Л. 22.

⁷⁹ Там же. № 76. Л. 243.

⁸⁰ Ныне участок дома 20.

⁸¹ Современный адрес: ул. Чайковского, 20. Дом сохранился в перестроенном виде. После смерти Д. И. Хвостова его вдова Аграфена Ивановна (1768–1843), урожденная Горчакова, племянница А. В. Суворова, превратила дом в доходный. В нем в 1839–1841 годах снимала квартиру Е. А. Арсеньева — бабушка М. Ю. Лермонтова.

⁸² В него включен и «Соловей в Таврическом саду» (см.: Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 171–172).

⁸³ ИРЛИ. Ф. 322. № 41. Л. 6. При публикации послания в собрании своих стихотворений граф сопроводил его следующим примечанием: «Сие приветствие известному поэту нашего времени Александру Сергеевичу Пушкину, который жил тогда на Фурштатской и удостоил автора ответом в прозе при получении сей песенки. Музыка на сей голос и с словами помещена в Музыкальном журнале г. Добри» (Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 271).

⁸⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 474.

Май, 1...10».⁸⁵ Хвостов повременил с поднесением послания Пушкину до момента, когда стихи будут положены на музыку, и отправил его уже как законченное музыкальное произведение с сопроводительным письмом 2 августа. Пушкин не замедлил с ответом.⁸⁶

Стоит отметить, что Хвостов решил представить «Соловья в Таврическом саду» на суд знакомых московских литераторов. Они откликнулись панегирическими дифирамбами старому графоману. Поэт и баснописец Алексей Михайлович Зилов (1798–1865) в письме к Хвостову от 16 июня 1832 года дал посланию следующую оценку: «Стихи Ваши — „Соловей“ отзываются гармоническими звуками Вашей поэзии и тем беспристрастием к Пушкину, который должен ценить его в полной мере. Николай Михайлович Шатров слушал с восхищением Вашего „Соловья“».⁸⁷ Таким образом, послание, поднесенное Пушкину, о сочинении которого, надо полагать, еще не знал и сам адресат, уже стало известно на московском Парнасе.

После смерти В. Л. Пушкина князь Шаликов решил издать его стихотворные записки,⁸⁸ рассчитывая на поддержку Хвостова при продаже издания. По этому поводу он писал графу 19 марта 1834 года: «Я издаю *Записки в стихах* В. Л. Пушкина: они очень милы, а он имел многих приятелей. Смею ли обременить моего мецената билетами для них? Блудов, Дашков, Уваров и проч<ие> любили покойника и нередко разделяли с ним *гастрономическую* трапезу его: en voilà assez!»⁸⁹ Отметим, что Шаликов называет влиятельных знакомых покойного, занимавших высшие государственные посты, которых он надеялся подписать на приобретение будущей книги через посредничество графа. Записки вышли с предисловием издателя, а Хвостов не отказал князю и принял участие в распространении издания. По этому поводу 13 апреля Шаликов обращается к графу, посылая «5 экз<емпляров> записок *Василия Львовича*; но Вы его любили, и потому верно пожелаете и для себя иметь их; и со временем *сбыть* и все».⁹⁰ Книга расхвалилась хорошо, и Хвостов просил выслать еще, о чем в письме от 8 июня князь извещает своего «мецената»: «Что же касается до последних 10 экземпляров записок Пушкина <...> они, как и первые, отправлены к *Смирдину*, вручителем сих строк, А. С. Ширияевым».⁹¹ Один экземпляр «Записок» дяди достался А. С. Пушкину, который приобрел его в книжной лавке А. Ф. Смирдина 5 мая 1834 года.⁹²

⁸⁵ В связи с событиями весны 1832 года нужно внести еще одно уточнение в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», где, вероятно по недосмотру, под двумя датами отмечено суждение Хвостова о «Стихотворениях Александра Пушкина» (см.: Пушкин и Хвостов. Публикация А. В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 271–272). В первый раз (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 116) отзыв графа датирован верно, как и указано в рукописи: «1826-го года Января 13-го дня» (ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 68), и относится к первому сборнику стихотворных произведений Пушкина. Второй раз (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 464) — с датой: «1832. Апрель, начало» — ошибочно соотнесен с третьей частью «Стихотворений Александра Пушкина».

⁸⁶ Копия пушкинского письма сохранилась в той же рукописной книге, в которой находится само послание, и сопровождается следующим пояснением Хвостова: «Вот письмо, которое я получил от знаменитого Александра Сергеевича Пушкина 3-го августа 1832 года в ответ на посылку мою к его Варваре (описка. — А. К.) Николаевне печатной музыки и слов песенки: *Соловей в Таврическом саду*» (ИРЛИ. Ф. 322. № 41. Л. 8).

⁸⁷ Там же. № 78. Л. 128–128 об. Слепой поэт Н. М. Шатров (1765–1841), которому Хвостов оказывал покровительство, по своим литературным пристрастиям тяготел к классической школе и выступал антагонистом Карамзина и Пушкина.

⁸⁸ Записки в стихах Василия Львовича Пушкина. М., 1834.

⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 74. Пер.: Этого довольно! (*фр.*).

⁹⁰ Там же. Л. 103 об.

⁹¹ Там же. Л. 104–104 об. Ширияев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский издатель и книгопродавец, владелец книжной лавки при Московском университете, типография которого и издала «Записки».

⁹² *Модзалевский Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Вып. 16–18. С. 1006. А. С. Пушкин заплатил за книгу 4 рубля (см.: *Оксман Ю. Г.* К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 445).

Неделю спустя П. И. Лялин в письме к Хвостову от 12 мая 1834 года из Москвы посетовал на происходящие в отечественной словесности изменения, по его мнению, не в лучшую сторону: «Я замечаю в себе какое-то хладное равнодушие к произведениям известных наших писателей: Пушкина и Жуковского. Давно ли же гладинькие <sic!> стишки первого восхищали меня, как ребенка красивая игрушка, давно ли меланхолическая поэзия последнего укрощала пылкое, бурное воображение юности, настраивая его под камертон поэта. Отчего же теперь ослабело их магическое на меня влияние? <...> Русские сказки, которыми Пушкин и Жуковской наполняют смирдинскую библиотеку, убаюкали — как мне кажется — последнее к ним внимание читателей так, что едва ли они, пробудясь от сна, встретят их тою же радостною улыбкою, как бывало во время оно».⁹³

Как видим, отрицательный отзыв одного из рядовых читателей отражал настроение той части читающей публики, для которых Пушкин и Жуковский оставались кумирами 1810–1820-х годов, и их сказки⁹⁴ были встречены ею довольно прохладно. Публика ждала произведений, подобных тем, что создавались ими ранее, не понимая и не принимая новых. Об этой когорте ценителей российской словесности совершенно справедливо высказался Гоголь, считавший, что некоторые из пушкинских «мелких сочинений так резко ослепительны, что их способен понимать всякой, но зато большая часть из них и притом самых лучших кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние».⁹⁵ А пока читательский менталитет не поспевал за гением, ему была неподвластна творческая эволюция Пушкина.

Символично рядом со скептическим заявлением обычного пушкинского современника звучит отзыв О. И. Сенковского в обозрении издания Смирдина: «Имена Жуковского и Пушкина в состоянии сообщить высокую цену всякой книге, в которой они находятся, тем более что в наших поэтах заключается весь блеск нашей словесности. <...> Поэты — настоящее украшение русской словесности, и после нашего века, вероятно, одни они останутся из него для потомства».⁹⁶ И это предвидение во многом стало пророческим.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 84 об.

⁹⁴ Вероятно, Лялин имеет в виду вышедшие в смирдинских изданиях сказки: *Пушкин А. С.* Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. № 2. С. 1–37; *Жуковский В. А.* Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери // Новоселье. 1833. Кн. 1. С. 37–68.

⁹⁵ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 54.

⁹⁶ *О. С.* [Сенковский О. И.]. «Новоселье». Книга вторая // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 5. С. 37; переизд.: Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008. С. 45.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-92-99

© М. Ю. Коренева, © Е. О. Ларионова

А. И. ТУРГЕНЕВ И Ф. В. ШЕЛЛИНГ. ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ

История знакомства А. И. Тургенева и Ф. В. Шеллинга достаточно хорошо известна. Ее общие контуры восстановлены на основе дневников А. И. Тургенева и его многолетней переписки с немецким философом.¹ Лишь один небольшой эпизод выпал из поля

¹ См.: А. И. Тургенев и Шеллинг: по неизданным материалам / Публ., предисловие и прим. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 152–164; *Резвых П. В.* Ф. В. Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 141–195; *Азадовский К. М.* Русские знакомства Шеллинга // Азадовский К. М.